Сергей ОБРАЗЦОВ

ПЕВЕЦ ПАРИЖА

Солнцем полна голова... Эти три слова, которыми озаглавлена книга Ива Монтана, уже знакомы советскому читателю. Она вышла у нас в текущем году дважды. Главы из нее печатались в журнале «Иностранная литература». Сейчас «Солнцем полна голова» выходит новым изданием в «Молодой гвардии». Перевод книги осуществлен О. Образцовой и Н. Наумовым. Предисловие к ней написал народный артист СССР С. Образцов. Ниже публикуется это предисловие, которое по недостатку места в газете несколько сокращено.

В конце пятидесят третьего года вместе с группой советских актеров я выехал из Лондона в Париж. В Дувре наш поезд по кусочкам влез в большой двухэтажный паром и поплыл в Донкерк. Это было ночью. Я не спал. Стоял на верхней палубе, смотрел в блестящую черную воду.

Дувр — Донкерк. Эти два слова высечены в памяти военными буквами. Сколько людей погибло между двумя, такими мирными сейчас, берегами! Неужели это может повториться? Неужели возможна война?

К Донкерку подплыли утром и через несколько часов были в Париже. В том самом Париже, про который все знаешь с детства: названия улиц, площадей, бульваров, имена людей, которые делали его историю, рожденных им писателей, композиторов, художников, его голос, его музыку, его краски. Неужели я сейчас в этом самом Париже?!

В лифте гостиницы маленький мальчик, сидевший на руках своєї кудрявой матери, неожиданно протянул мне руку и сказал: «Бонжур, месье!». Мне стало смешно и весело. Балкон нашего номера повис над бульваром. Бульвар был совсем таким, каким я знаю его по картинкам Константина Коровина. Я сказал бульвару: «Бонжур, месье!».

И Эйфелева башня оказалась удивительно похожей на Эйфелеву башню, и я сказал: «Бонжур, мадам!». И Елисейские поля, и плас де ла Конкорд, и плас Этюваль, и собор Парижской Богоматери, и ночная плас Пигаль — все, все я узнавал, как будто вернулся из далекого путешествия.

За все пятнадцать дней жизни в Париже у меня было только два свободных от выступлений вечера. Я спросил моих новых французских друзей: «В какие театры надо пойти, чтобы понять, что смотрят и что любят парижане?». Мне ответили: «Только не ходите, как все приезжие, ни в Фоли-Бержер, ни в Мулен-Руж. Там парижан нет, там иностранцы. Непременно пойдите в «Комеди Франсез». Это входе вашего Малого театра. Посидите в каком-нибудь ночном кабаре и обязательно достаньте билеты на Ива Монтана. Это сейчас любимый парижский шансонье».

В «Комеди Франсез» я был. Смотрел «Мещанина». Но, по правде сказать, когда этот же спектакль с этими же актерами я увидел в Москве, он понравился мне гораздо больше. Вероятно, это произошло оттого, что новые обстоятельства и новые зрители открыли у актеров второе дыхание.

Программы двух ночных кабаре не были особенно интересными, но в обеих программах выступали кукольники. Они меня и пригласили туда. Выступления были интересными, но с одним из кукольников я поспорил. Он показывал номер, в котором кукол-то, собственно, и не было. Были зонтики. Настоящие зонтики. Мужской и дамский. Зонтики гуляли. Потом целовались. Потом, в самый пикантный момент, их застиг отец геронны, то есть второй мужской зонтик. Но было уже поздно. В конце номера появился зонтик детский.

Когда кончилась программа кабаре и в маленьком потушенном зале остались только актеры, мой коллега спросил меня: «Ну, как?». Я сказал: «Это вы ловко придумали. Очень ловко и очень талантливо. Вот жаль только, что такой острый по своей форме номер у вас бестемен». Он возразил: «Вы из Советской России, и поэтому не можете понять. Нашим зрителям не нужна тема. Они хотят просто развлечения, выпить немножко вина и пойти домой». — «Не правда! Подчините форму и сюжет вашего номера какой-то определенной теме, и вы увидите, как вырастет номер и ваш успех».

Мы расстались друзьями, но спор наш так и повис в воздухе. Каждый был уверен, что другой не понимает его потому, что не может понять. И вот на следующий день я оказался в зале театра «Этуваль» на концерте Монтана. Как жаль, что моего коллеги кукольника из ночного кабаре не было рядом! Я бы после каждой песни Монтана оборачивался к нему и говорил: «Ну, что? Кто был прав?».

Монтан замечательный певец. Но разве голос у Монтана лучше, чем у всех певцов Франции? Разве только

за голос или за манеру исполнения любят его парижане? Нет. Может быть, только Монтан поет эти песенки, и нигде в другом месте их нельзя услышать? Нет. Их поют многие. В чем же дело? Почему счастье, огромное счастье на лицах зрителей и почему на их глазах слезы? Почему слезы эти не похожи на слезы сентиментального умиления и почему хот не похож на ржанье жеребцов?

Почему все это? За что влюблены французы в своего национального певца? За сердце. А сердце актера — это и есть тема.

Когда-то Соломон Михайлович Михоэлс говорил мне: «Если у актера нет его личной темы, это не актер. Если он не одержим желанием ролями своими сказать людям что-то, что он считает самым важным, — это не актер». Все то, что пел Монтан, все то, о чем он пел, было подчинено теме: его, монтановскому неукротимому желанию сделать людей лучше, чище, счастливее, добрее.

Эта тема сузила его репертуар? Нет, наоборот: невероятно расширила, но в то же время отобрала.

Да, многие из песен вы можете услышать в исполнении других певцов, но Монтан низал свои песни на единую нить, и они стали жемчужом.

Кто же этот Ив Монтан? Откуда он взялся? Упавшая с неба звезда? Нечто исключительное и неповторимое? Нет. Не с неба упал Монтан. Тем-то он прекрасен, что вовсе не исключителен, а национален.

Не было бы во Франции великого народного поэта Беранже, если бы не был он песенником и если бы не было прекрасной, чисто национальной формы французской злободневной песни.

Родится эта песня чаще всего в маленьком кабаре и звездной эстафетой рассыпается по стране, если только вложенные в песню мысли и чувства оказываются нужными сегодня, именно сегодня, простым людям Франции.

Надежда Константиновна Крупская, рассказывая о жизни Ленина в Париже, пишет: «Охотно ходил Ильич в разные кафе и пригородные театры слушать революционных шансонетчиков, певших в рабочих кварталах обо всем,—и о том, как подвыпившие крестьяне выбирают в палату депутатов проезжего агитатора, и о воспитании детей, и о безработице и т. п.».

Процесс рождения песен не замедляет, не останавливается. Каждый год возникают новые. Их поют на углах улиц и бульваров, тут же продавая ноты. Их сочиняют поэты и композиторы, их сочиняют сами певцы, их сочиняют иногда мало кому известные люди, но песни эти рождаются и умирают, и рождаются вновь, а песенники Франции наследуют один другому. Монтан — звено в золотой цепочке народных шансонье.

Тот концерт, на который мы пришли в зал «Этуваль», не был премьерой Монтана. Он пел в этом зале и вчера, и позавчера, и неделю назад. Он пел уже несколько месяцев подряд одни и те же песни, и каждый день две тысячи человек заполняли зал и еще сотни не могли достать билетов.

Молодой, спортивный, в коричневой куртке с расстегнутым воротом, заправленной в такие же коричневые штаны.

Легкий, но не развязный, ловкий, могущий сделать во время песни про акробатов «колесо», но вовсе не эксцентричный и не хвастающий своей ловкостью.

Сзади него большой, туго натянутый занавес из тюля. За тюлем маленький оркестр. Он вилен, но не мешает, не лезет в глаза. Как только Монтан начинает петь, перед вами остается только один человек, объемный силуэт которого вырезан на белом экране тюля.

Какие же песни поет Монтан? Разные, очень разные. О чем они? О многом. И об очень значительном и о том, что на первый взгляд может показаться пустяком, но что никогда не пустяк, так как та же ниточка любви к человеку и веры в него пронизывает и эту бусинку.

Девушка, красивая, молодая, качается на качелях, и ничего ей, кроме качелей, не нужно. Влюбился в нее человек. Простой человек. Стал угощать конфетами, повел смотреть балаганы. Она сказала «мерси» и побежала качаться на качелях. Он дождался ее внизу и поцеловал. Но она опять убежала качаться. Наконец, он сделал ей предложение. Женится. А она все-таки бежит на качели. Смешная песня. Комичность ее Монтан сохраняет полностью и ничем не отягчает песенной легкости, но все это окрашено таким нежным, добрым и чистым отношением Монтана к героине своей песни, что сама песня становится прекрасной, как хрусталь.

А вот другая песня. Маленький негр чистит обувь белым людям. Солнце он видит только тогда, когда оно отражается в блеске начищенных им башмаков. Луч прожектора освещает Монтана. Черная тень все растет и растет сзади певца на широ-

ком экране, а Монтан поет — из этого мальчика вырастет большой человек. Вы видите, как не похожи эти песни — веселая и далеко не веселая. По-смешному любовная и социально заостренная, антирасистская. Совсем не похожи. Но верой в людей объединяет их Монтан.

Песню о Париже Монтан назвал балладой. Что ж! По сюжету это так и есть. Речь идет о прошлом Парижа. Но и слова, и музыка, и, главное, исполнение оказались пронизаны таким трепетным, таким личным, таким сегодняшним отношением к этому прошлому, что баллада прозвучала, как чудесный любовный монолог, только афресованный не женщиной, а городу.

Этой песней начался концерт, но когда концерт кончился, когда уже было спето все, зрители стали кричать и требовать песню о Париже. И Монтан спел. Это была другая песня. Веселая, вальсовая песня о солнечном городе, в котором флюгеры на крыше кокетничают с ветром. А весеннему ветру не до них. Ему некогда вертеть флюгеры. Взвываясь за руки, солнце и ветер, как два школьника, бегают по городу, проверяют, все ли в порядке, все ли как всегда. Такси, полисмены, кафе, метро. Днем и ночью приходят к Сене гости. Влюбленные смотрят в ее глаза. Бездомные спят на ее набережных и каждое утро умываются ее водой, а те, кто ничего не ждет больше от жизни, бросаются в ее волны. Но Сена не любит этого, она любит, когда по ней плывут пароходы, и журчит за их кормой. В каждом городе бывает горе, но только в Париже умеют так плясать на улицах, и во всем мире есть только один город, имя которого Париж! С тех пор, как парижане взяли Бастилию, каждое четвертое июля девушки и парни танцуют на каждом перекрестке, кружатся и кружатся. Это Париж!

Звонкая, веселая, кружащаяся песня. Но почему-то на глазах у моего соседа я увидел слезы. И сидевшая впереди женщина тоже сняла слезу кончиком мизинца. Осторожно, чтобы не размазать ресницы. А через два ряда от нас мелькнул платок. Что случилось? Почему так тихо, так напряженно тихо в зале? Почему песня так распахнула сердца?

Потому, что Париж для парижан, для французов не просто город и не просто столица. Париж для них — Франция.

И совсем недавно — этого нельзя забыть — над Францией, над Парижем, как туча, висела смерть. Париж навсегда мог перестать быть французским, а Франция — Францией. Недаром весенний ветер и весеннее солнце проверяют, все ли в Париже осталось по-старому. Им есть что проверить! А что еще важнее: горе не только сзади, оно может оказаться и впереди. Разве опасность исчезла совсем? Разве мало об этом и говорится и пишется каждый день?

Вот и наворачиваются на глазах парижан слезы, когда Монтан поет песню о Париже. Песню-танец, песню-гимн, в котором и счастье, и любовь, и боль.

Кончился концерт. Зрители шумели, кричали, аплодировали. Монтан много раз выходил и кланялся. Постепенно зал опустел. Те, кто был в нем, разошлись по улицам Парижа, мурлыкая себе под нос песенки Монтана.

Среди взволнованных, наполненных песнями людей вышел на улицу и я. И, шагая по темному бульвару Распай, я думал: «Как хорошо, как прекрасно, что искусство может делать такое большое и нужное дело! Как хорошо, когда оно наполняет людей чувствами добрыми и мечтами смелыми!». Я думал и о черной воде, в которую смотрел, переплывая Па-де-Кале, и о том, что по бульвару, по которому я иду, ходили враги Франции, и о том, что среди тех, кто спит сейчас за ставнями молчаливых домов, много вдов и сирот. И о том, что среди тех, кто борется за то, чтобы больше никогда этого не было, много прекрасных людей. И что Монтан один из них. И что каждый концерт его делает охотнее, иди и что это происходит не только потому, что Монтан талантлив, и не потому, что хороши песни, а потому, что искусство свое Монтан ощущает, как активное действие, как тему своей жизни, и тема эта — любовь к людям и борьба за их счастье. Этой же темой живет Монтан, создавший замечательный цикл старых народных песен для граммофонных пластинок. Этой же темой живет он, играя в «Салемских колдуньях». Этой же темой наполнена его роль в кинокартине «Плата за страх».

Вернувшись в Москву, я всем своим друзьям рассказывал про Монтана и завозил привезенные из Парижа две долгоиграющие пластинки, на которых был записан весь концерт.

Меня попросили рассказать об этом по радио и передать несколько песен.

И концерт Монтана, правда, немного сокращенный, состоялся в домах советских граждан и в Москве, и во Владивостоке, и в Мурманске, и в селах, и в станицах.

Так как на пластинках был записан и шум зрительного зала, и даже аплодисменты, то Монтан вошел в комнаты советских людей не один, а с парижанами, с их голосами, их радостью.

И вот в адрес радио, да и ко мне домой стали приходить письма. Отвсюду. С Дальнего Востока и с Крайнего Севера, с Кавказа и из Казахстана, из Литвы и Белоруссии. Их сейчас более восьмисот, этих писем. Некоторые подписаны одним человеком, двумя, тремя, а есть письма от заводских цехов, воинских частей, факультетов, школ. Невозможно ни пересказать всех писем, ни сделать выдержки из каждого, даже перечислить города и то трудно. Но если попробовать хотя бы приблизительно подсчитать всех тех, кто фактически стоит за этими письмами, то получатся многие тысячи.

Это замечательные письма. И говорят они об очень важном. О том, как советские люди любят Францию, как верят во французский народ и как благодарны они Монтану за то, что он пришел в их дома с такими прекрасными и близкими советскому человеку мыслями и чувствами, и за то, что принес им свое сердце, сердце французского.

Сейчас песни Монтана часто пере-

даются по радио, они изданы, их поют и профессионалы на концертах, и простые люди у себя дома. Фильмы с участием Монтана — «Плата за страх», «Идол» — шли и в кинотеатрах и по телевидению.

Советские люди полюбили Монтана, хотя ни разу и не встречались с ним. Монтан стал их другом, хоть и находился на расстоянии тысяч километров от своих новых друзей.

Про друга, да еще про друга, с которым не встречался, хочется знать как можно больше. Знанию этому помогла переведенная на русский язык автобиографическая книжка Монтана.

Называется она «Солнцем полна голова», то есть так же, как называется одна из его любимых песен. Песня о человеке с солнцем и песней в сердце. О человеке, который всем встречным на улице говорит: «Здравствуйте!», потому что все ему друзья.

Как только Монтан, весело пританцовывая, начинает петь эту декларацию влюбленного в жизнь оптимиста, вы сразу же вспоминаете, что где-то слышали этот мотив. Где же? Когда? Да в самом начале концерта. Только эта мелодия счастья звучала тогда маршем, и под него-то и появился Монтан в портале сцены на белом тюле экрана.

Вот и в книжку свою он захотел войти под знаком той же песни «Солнцем полна голова».

Но появляется он перед читателем сначала не певцом и не актером, а маленьким мальчиком, которого зовут Ив, и звучит при этом не джазовый марш за белым тюлем, а плеск моря, шум порта да гудки пароходов.

Жизнь, люди, Франция сделали Монтана таким, какой он сейчас, и если не узнаешь и не поймешь мальчика и юношу Ива Ливи, разве можно понять, почему так горячи песни Ива Монтана и почему солнцем полна его голова?

Обо всем том, что вы сейчас прочли, я рассказал в предисловии к книге Монтана, главы которой были впервые напечатаны в журнале «Иностранная литература» весной этого года. В то время я знал о желании Монтана приехать в Советский Союз, так как он написал мне об этом, но в том, как скоро это желание осуществится, я не знал. И, конечно, я очень рад, что теперь многие советские люди смогут встретиться с Монтаном не только на страничках журналов или книги, услышать его голос не только в репродукторе или телефоне и увидеть его лицо не только на киноэкране. Они услышат и увидят его на концерте, в котором настоящий, а не репродуцированный Монтан будет петь для них свои песни.

Но я рад гастролям Ива Монтана в нашей стране не потому только, что тысячи слушателей получат большое удовольствие и от содержания чудесных французских песен, и от замечательного их исполнения. Не менее серьезно и значительно еще и то, что приезд своим профессиям еще раз доказал, что его профессия, его общественные ощущения составляют, как мне кажется, некоторое неразрывное целое.

Враги мира и дружки стремятся сейчас использовать все, что можно, для того, чтобы разрушить не только дружбу между государствами, но даже личные симпатии и дружбу между представителями разных народов. Ложь, клевета, запугивание, провокация, к сожалению, ослепили многих, в том числе и хороших, честных людей, подлинных гуманистов и борцов за дело мира. Я знаю, я верю, что у большинства из них эта слепота временная, она пройдет, но я рад, что среди ослепленных не оказался Монтан.

Монтан приезжает, кто оповредал этим доверие тех, кто, побывав Монтана — певца и актера, поверил Монтану — человеку и почувствовал его своим другом.

Но я рад не только за друзей Монтана, не только за слушателей его концертов, я рад и за него самого потому, что, увидев глаза десятков тысяч советских зрителей, ощутив бичение их сердец, Монтан еще раз почувствует и поймет, что никакая клевета, никакая ложь, никакие действия отдельных политических деятелей не могут разрушить любовь советских людей к великому народу Франции.

Советские люди умеют отличать тех, кто неумно или преступно вершит народными судьбами, от миллионов простых и честных людей, единственное желание которых — мир.